

Малатеста Эррико.

Парижская коммуна

1900, источник: [здесь](#), пер. с англ. - Панда.

18 марта 1871

Известный историк Леки говорил, что нередко легенда оказывается более правдивой, чем история. Утверждая это, он в несколько парадоксальной форме выражает верное и глубокое понимание.

Легенда более правдива и интересна, чем история, поскольку история тщательно пытается установить твердые факты об обстоятельствах, событиях и личностях. Ей с трудом удается установить истину среди сложности всегда неадекватных элементов и противоречивых свидетельств. Легенда же, формируясь бессознательно и выражая не факт, а то, как люди видели факт, раскрывает состояние ума народа, внутренний смысл исторического момента.

Это произошло с революционным движением, известным как Парижская коммуна, которое вспыхнуло 18 марта 1871 года и было подавлено кровью в мае того же года. Еще до того, как был установлен хотя бы один достоверный факт, каждый человек интерпретировал его в соответствии со своими желаниями; и легенда разлетелась по всей Европе и миру, оказав гораздо большее влияние, чем могло бы оказать точное знание фактов. Результат таков: Парижская коммуна присвоена всеми социалистами мира, хотя на самом деле она не являлась социалистическим движением; она провозглашена всеми анархистами, хотя не была анархистским движением.

В 1871 году умы были полностью готовы придать парижскому движению то значение, которое ему было придано; и, скорее всего, если бы репрессии не смогли подавить его в зародыше, оно действительно стало бы тем, чем его считали с самого начала.

Реакционная сила, родившаяся из поражения европейской революции 1848 года, исчерпалась, и все чувствовали, что настало время для новой революции.

Бессилие «либеральных» принципов, оставленных в наследство потомкам Французской революции в конце прошлого века, стало очевидным; новые идеи, новые устремления воодушевляли массы. «Социальный вопрос» стал главным вопросом. Рождение и быстрое возвышение Интернационала, ставшее следствием и одновременно причиной этой ситуации, породило у одних надежды, а у других опасения в связи с грядущими

радикальными политическими и экономическими изменениями.

В этот момент разгорается франко-прусская война. Все висит на волоске; все с тревогой следят за ходом сражений и делают прогнозы о том, что будет после войны: напряжение в умах людей только усиливается.

Когда французская армия потерпела поражение, а императора взяли в плен, консервативные и реакционные элементы приняли республику как единственное возможное решение на данный момент, но с твердым намерением либо восстановить монархию как можно скорее, либо обеспечить, чтобы республика не отличалась от монархии. Народ, ошеломленный грохотом войны и обескураженный поражениями и предательствами, имевшими свое продолжение и при республике, и при империи, колеблется между надеждой, страхом и подозрением.

Жители Парижа хотят сражаться с осаждающим врагом, но их обманывают, предают и побеждают в частичных вылазках, которые или казались, или действительно были организованы специально для того, чтобы потерпеть поражение; они подвергаются позорной капитуляции.

Провинциальные избиратели назначают ассамблею, состоящую из всех самых реакционных элементов феодальной и милитаристской Франция. Эта ассамблея, заклеенная названием «сельская», спешит принять все условия мира, навязанные Бисмарком, и готовится подчинить Францию правлению сабли и асперсориума[1].

Хватит.

Революционные элементы начинают объединяться; рабочие Парижа, Лиона, Марселя рвутся в бой, отчасти из-за глубокого экономического беспокойства, отчасти из-за патриотических чувств, оскорбленных предательством и некомпетентностью военного и гражданского руководства, и отчасти из-за ненависти к монархии, восстановление которой представляет угрозу.

Правительство понимает, что для защиты своей реакционной работы Париж необходимо разоружить. В ночь с 17 на 18 марта оно тайно посылает войска для захвата пушек, Национальной гвардии, удерживаемых ею со времен осады; но попытка обнаруживается, поднимается тревога; солдаты национальной гвардии, проснувшись от испуга, бросаются защищать свои пушки; сопровождавшие их женщины бросаются в середину войск, умоляют их, оскорбляют, обнимают; войска переворачивают свои ружья вверх дулом и братаются с народом. Двух генералов, Томаса и Лекомта, известных палачей, расстреляли, как будто в знак кровного союза мятежных войск с восставшим народом.

На следующее утро, 18 марта, весь Париж потрясен новостью; власти бегут... восстание торжествует.

Когда весть о событиях в Париже разносится по Европе, инстинктивно все революционеры, социалисты, анархисты и республиканцы, рассматривавшее республику как радикальное преобразование социального порядка, все друзья прогресса, чьи щедрые инстинкты не

парализовали вера в религиозные и политические догмы, все, от Бакунина до Маркса и Гарибальди, от методичных немецких рабочих до восторженной итальянской революционной молодежи, были на стороне парижан, на стороне Коммуны. А все реакционеры, все правители, палачи и мучители народа - на стороне правительства, сбежавшего из Парижа в штаб-квартиру в Версале, получившего название версальского правительства. Было больно обнаружить среди последних Джузеппе Мадзини, чьи иератические инстинкты[2] затуманили его разум и сердце.

Революционеры и реакционеры считали несомненным, что в Париже разразилась социальная революция, и с этой убежденностью они судили о движении в соответствии своим тенденциям.

Легенду сотворили одним махом, и это стало счастливым обстоятельством, поскольку она оказала огромное влияние на пропаганду. В каждой стране социалистическое движение (социалистическое в широком смысле этого слова) извлекло из нее пользу, а в некоторых странах, таких как Италия, она почти породила движение. Данное влияние было настолько велико и благотворно, что легенда сохранилась и сохраняется до сих пор, наряду с теперь уже знакомой историей.

Но хотя и хорошо извлекать выгоду из легенды, что по сути означает извлекать выгоду из популярных тенденций, которые материализуются путем идеализации исторической реальности, необходимо также знать фактические обстоятельства, как они были, чтобы извлечь уроки из опыта.

Больше об этом в нашем следующем выпуске.

18 марта - 28 мая 1871 года

Даже простейшие исторические факты, всегда являющиеся результатом тысячи различных факторов, по-разному модифицированных тысячей обстоятельств, никогда не соответствуют идеалам одной партии или школы мысли и не могут вписываться в какую-либо идеологическую классификацию. Это особенно верно в отношении тех великих социальных событий, которые сознательно или бессознательно определяются всеми потребностями, интересами, чувствами и идеями, существующими среди народа. Такие события не планируются и не готовятся какой-либо партией, не провоцируются по их инициативе, а возникают спонтанно в результате обстоятельств и навязываются партиям и идеологам, вынужденным принимать их такими, какими они являются!

Восстание 18 марта и возникшая в результате «Коммуна» были одним из таких событий.

Накануне 18 марта все прогрессивные люди и население крупных городов чувствовали необходимость революции и горячо ее желали.

Но что это была за революция? Какие цели преследовались?

В последние годы империи во Франции широко обсуждался социальный вопрос, и все больше людей осознавали необходимость преобразований, выходящих за рамки политической конституции. Все социалистические идеи и системы, воодушевлявшие умы в течение десятилетия до 1848 года, но подавлены реакцией, вновь стали предметом обсуждения. Интернационал провозгласил принцип, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и организовывал массы рабочих вне всех буржуазных партий и в оппозиции к ним.

Однако война положила конец всему этому движению. Интернационал во Франции действительно протестовал против войны и подтверждал солидарность между французскими и немецкими рабочими, как и немецкие интернационалисты, но патриотические предрассудки взяли верх, и они не смогли остановить войну. Поражения французской армии, капитуляция в Седане из-за некомпетентности и трусости Наполеона, капитуляция в Меце из-за измены Базена, капитуляция в Париже, где снова подозревали измену, позорный мир после высокомерного хвастовства — перечисленное все больше оскорбляло людей и вызывало националистические настроения. Намерения восстановить монархию, явно продемонстрированные правительством и ассамблеей, привели к тому, что почти все революционные элементы считали единственной важной задачей на данный момент - спасти республику от опасности реставрации.

Среди жителей Парижа преобладало желание установить подлинно республиканское правительство... и возобновить войну с Германией для отомщения. Вдруг неожиданно, после бегства правительства, после неудачной попытки захватить пушки, которые национальная гвардия успешно спасла от пруссаков, Париж оказался хозяином самого себя и с необходимостью заботиться о своей судьбе, защищаясь от попыток репрессий от правительства, скрывающегося в Версале.

Ситуация решалась по мере возможности, но отсутствовало понимание необходимости революционизировать общество, распространить революцию за пределы Парижа, среди крестьян, хотя бы как единственного средства победы в материальной борьбе.

Конечно, некоторые намеревались развить движение в социальную революцию, и народ, как и в любом восстании, одухотворился более или менее смутным стремлением к справедливости и благополучию. Но преобладающей идеей было сопротивление произволу правительства, спасти республику и отомстить за честь Франции.

Провозгласили свободную Коммуну... в основном потому, что не было возможности навязать волю Парижа всей Франции; сразу же было назначено парижское правительство, такое же, как и все остальные... хотя в те дни, когда Париж оставался без правительства — с 18 марта до проведения выборов 3 апреля — он показал, что дела, представляющие общественный интерес, лучше, чем посредством приказов правительства, могут быть выполнены благодаря усилиям всех заинтересованных лиц, через ассоциации и комитеты, не имевшие никаких полномочий, кроме предоставленных им народным одобрением.

Была предпринята попытка заключить мир с правительством при условии, что будет гарантировано существование республики; она провалилась только из-за преступного

упрямства правительства, ненависти и желания мести парижанам со стороны бонапартистских генералов (временно выдающих себя за республиканцев), жажды крови и власти морально чудовищного Адольфа Тьера, руководящего исполнительной властью.

В организации вооруженных сил, как в оборонительной, так и в наступательной, следовали старым военным традициям.

Правда, не было скандальных зарплат, как в других правительствах, но принцип привилегий и иерархия зарплат соблюдались: они варьировались от 6 тысяч лир в год, выплачиваемых правителям, до тридцати сольдо в день, выплачиваемых солдатам.

Меры по защите от внутренних врагов Коммуны представляли собой обычные полицейские процедуры: обыски домов, аресты, запрет газет и другие, еще более серьезные нарушения свободы.

Частная собственность строго уважалась. Богатые мирно продолжали владеть своим богатством и даже во время осады, когда царил дефицит, умудрялись пировать и издеваться над бедствиями не только народа, но и тех, кто сражался за Коммуну. Бенуа Малон, член правительства Коммуны (Совета), рассказывает, как федераты (так называли солдат Коммуны), возвращавшиеся с боя растрепанные и окровавленные по богатым улицам, подвергались оскорблениям. Буржуа, сидящими за столиками роскошных кафе, пьющие и курящие, обзывали их тридцатипенсовиками.

Изготовление униформы для солдат передали на субподряд предпринимателям, принуждавшим людей работать за небольшие деньги.

Солдат Коммуны отправили охранять сокровища Банка Франции, где запрашивались ссуды со всеми теми же формальностями и гарантиями, которые использовались в финансовых операциях буржуазных правительств.

Единственные мероприятия, имевшими отдаленное отношение к социализму, были (если память нас не подводит):

- декрет о запрете ночной работы в пекарнях;
- декрет (никогда не вступивший в силу), дававший объединенным в кооперативы рабочим право захватывать заброшенные владельцами фабрики, при условии выплаты компенсации владельцам по их возвращении;
- отсрочка платежей по аренде и долгам, некоторое скудное распределение продовольствия среди голодающих и бесплатное возвращение заложенных вещей минимальной стоимости.

Все то, что может быть сделано (и большая часть чего уже неоднократно делалась) буржуазным и монархическим правительством в интересах самого «общественного порядка» и спокойствия буржуазии.

Наряду с этим — множество деклараций принципов, очень прогрессивных, но никогда не реализованных; красноречивые манифесты французскому народу, крестьянам, народу всего мира, так и оставшиеся словами; символические действия наподобие сноса Вандомской колонны и сожжение гильотины, безусловно, имеющие большую моральную ценность, но не практическое значение.

Вот чем на самом деле была Парижская коммуна.

Учитывая ее участников, предшествующее брожение идей, прерванное, но не уничтоженное войной, учитывая то, как европейская общественность интерпретировала данное движение, что не могло не повлиять на само движение, можно предположить, что, если бы движение не было так быстро утоплено в крови, оно, возможно, превратилось бы в социальную революцию.

Но разве не направление развития стало главной причиной провала Коммуны — даже с военной точки зрения?

Если бы вооруженные отряды парижан до ужесточения осады отважились выйти в сельскую местность, проповедовать экспроприацию и помочь местным жителям ее осуществить, движение распространилось бы, правительство не смогло собрать свои силы и направить их против Парижа.

Если бы в Париже экспроприировали буржуазию, предоставили все народу, то все население заинтересовалось в революции и защищало бы ее; вместо этого, согласно сообщениям самих коммунаров, в боевых действиях участвовало лишь небольшое число жителей, а в последние дни число защитников Коммуны не превышало десяти тысяч.

Коммуна разгромили, и она была подавлена, не сделав того, что могло и должно быть сделано для победы, потому что принцип власти убил ее импульс.

Мы не намерены винить людей за их замечательную самоотверженность, преданность и героизм.

И мы обманывали бы самих себя, если бы утверждали, что вина лежит на «лидерах».

«Лидеры» существуют только до тех пор, пока люди хотят их и терпят; и они такие, какими их позволяют быть люди.

Проблема заключается в самом народе: именно в народе мы должны бороться с культом власти, с верой в необходимость и полезность правительства. Как только это будет сделано, революция сможет победить.

Давайте почтим память мучеников Парижской коммуны, которые, хотя и выбрали неверный путь, отдали свою жизнь за свободу.

Но также давайте поставим себя в такое положение, чтобы сделать лучше, чем они.

Примечания

[1] Каменный или металлический сосуд для святой воды, установленный в притворе христианского храма.

[2] Относящийся к священникам или духовенству;

Версия #2

Зверобой создал 8 июля 2025 10:31:30

Зверобой обновил 8 июля 2025 10:31:45